

В докладе отстаивается тезис, что первой социалистической страной был не Советский Союз, а Парагвай. Конечно, не нынешний Парагвай Стресснера, а Парагвай, существовавший в прошлом веке (до 1870 г.). Для такого утверждения имеются следующие основания.

В результате войны за независимость от Испании все латиноамериканские страны превратились в буржуазно-помещичьи государства, крайне нестабильные, с непрерывно происходящими государственными переворотами, все глубже погружавшиеся в пучину иностранной зависимости. И лишь в Парагвае сложилась совершенно необычная социальная система.

После достижения независимости Национальный Конгресс в 1813 г. вручил власть двум консулам, конечно, в подражание древнеримской республике. Но уже в следующем же году власть оказалась в руках одного из консулов, по фамилии Франсия, в 1816 г. провозглашенным Конгрессом пожизненным диктатором. Второй консул и множество врагов Франсии, как действительных, так и мнимых, было казнено, репрессировано, сослано. Страной Франсия управлял при помощи назначенных им чиновников, которых он выбирал, по большей части, из самых низов.

Были конфискованы владения церкви и монастырей, большая часть помещичьей земли. В руках государства оказалось 3/4 всего земельного фонда страны, и оно сдавало землю в аренду мелким крестьянам, а также организовало большое количество государственных хозяйств, в которых работали по большей части заключенные, но были и наемные работники, получавшие, правда, мизерную плату. Свообразны были взгляды Франсии на образование. Считая, что Парагвай совершенно не нуждается в "надменных умствованиях", он закрыл университет, ликвидировал систему высшего и среднего образования, но большое внимание уделял начальным школам. Почти каждый парагваец при нем был грамотен — явление, совершенно необычное в тогдашней Латинской Америке. Армия насчитывала всего несколько тысяч человек, и основой вооруженных сил

была милиция. Оружие находилось на руках у солдат, а кто его не имел, тот на время сбора получал государственную пику.

Чтобы посетить другой населенный пункт, парагвайцу требовался паспорт, который сдавался после прибытия на место назначения, и для возвращения необходимо было получить новый.

Парагваец, получивший письмо из-за границы, под угрозой смертной казни должен был сдать его властям. На почте каждое письмо подвергалось перлюстрации.

Франсия проводил политику самоизоляции, не допуская политических, дипломатических и прочих контактов с другими странами, и допуская лишь очень ограниченную торговлю с Бразилией под строгим правительственным контролем. Но так как население все же нуждалось в заграничных товарах, то он устроил в столице А-суньсьоне государственную лавку, для которой приобрел однажды даже партию детских игрушек.

В свое время в Европе получил широкий резонанс инцидент с Бонпланом - французским ботаником и врачом, изучавшим в пограничных с Парагваем районах Аргентины культуру парагвайского чая. Франсия, то ли заподозрив Бонплана в шпионаже, то ли встревоженный возможностью потери своей страной монополии на производство парагвайского чая - у диктатора не спросив, - послал военный отряд, который захватил Бонплана и доставил его в Парагвай. Франсия разрешил своему пленнику заниматься медицинской практикой, чем тот и занимался весьма успешно, но обязал не удаляться далее 6 миль от предоставленного Бонплану участка земли, на котором Бонплан, человек, видимо, деловой, организовал процветающее хозяйство, в котором через несколько лет работало 45 человек, было 400 коров и т.д. Впоследствии Франсия все же разрешил Бонплану вернуться на родину.

Еще ранее Франсия предоставил убежище национальному герою войны за независимость в Уругвае Артигасу, дал ему земельное владение и

ленсии, размер которой, однако, уменьшал, если Артигас оказывал личную помощь кому-нибудь из своих соседей. Уругвайское правительство дважды требовало выдачи Артигаса, но в обоих случаях его посланцы так и не вернулись из Парагвая. Артигас умер в Парагвае глубоким стариком, через 10 лет после Франции, предпочтя так и не вернуться в Уругвай.

Беглые негры-рабы из Бразилии неизменно находили в Парагвае убежище, и на все возражения бразильцев Франция отвечал, что раб, ступивший на землю Парагвая, становится свободным, хотя официально рабство в своей стране он так и не отменил.

Сам Франция был воспитан на идеях Просвещения, по специальности был адвокатом, имел степень доктора теологии, интересовался делами в Европе, особенно во Франции - своей "тезке", одно время даже хотел предоставить убежище Наполеону. Однако один из немногочисленных иностранцев, находившихся в его стране, спросил, почему при таких своих убеждениях и взглядах он установил диктатуру, и Франция немедленно ответил, что парагвайский народ не дорос до демократии, и он оказался поэтому перед выбором: анархия или диктатура.

Франция умер в 1840 г., в возрасте 74 лет, окруженный если не любовью, то уважением подавляющего большинства парагвайского народа и затаенной ненавистью его образованных кругов. Незадолго до смерти он женился, но детей завести не успел. Быть может, у этого мрачного, подозрительного диктатора в конце жизни появилась мысль, что не стоило ради служения обществу лишать себя семьи, личного счастья? Могли бы Франции несколько раз оскверняли. Таким образом, сюжет "Покаяния" был предвосхищен в Парагвае.

Преемником Франции чуть было не стал его личный секретарь Патиньо, пользовавшийся неограниченной властью, ибо он решал, кого пропустить, а кого не пропустить к диктатору. Но Патиньо промедлил, и власть в Парагвае захватила военная хунта. Правда, офицеры быстро убедились, что управлять страной они не умеют, и сделали Патиньо

секретарем хунты. Но затем на него решили списать все грехи предыдущего режима, и Патиньо, не дожидаясь суда, повесился в тюремной камере.

Быстро промелькнуло несколько военных переворотов, не имевших серьезного значения и лишь показавших, что для установления военной диктатуры в стране нет условий. Собранный в 1841 г. Национальный Конгресс вновь вручил власть двум консулам, и вновь в 1844 г. она оказалась в руках одного из них - Карло Лопеса, приходившегося племянником Франции. При жизни своего могущественного дяди он пользовался репутацией оппозиционера, ибо безвыездно жил в своем имении. Придя к власти, он в основных чертах стал продолжать политику своего предшественника. Отличия сводились к следующим моментам.

Была принята конституция - Франция обходилась без нее, и поэтому Лопес правил не с титулом диктатора, а президента, причем даже не пожизненного, а наследственного. И действительно, после его смерти в 1862 г. новым президентом стал его сын Франсиско. Были приняты меры для развития образования, некоторое количество парагвайцев было даже послано учиться за границу. Самое же существенное было то, что Парагвай стал выходить из внешнеполитической изоляции. Франсиско Лопес совершил продолжительный официальный визит по различным европейским государствам, были завязаны хозяйственные связи не только с непосредственными соседями, но и с Европой. Страна стала энергично развивать свою промышленность и сельское хозяйство. Средства для этого дала монополия внешней торговли. В обмен на ценные породы дерева и парагвайский чай закупались станки, промышленное оборудование. Результаты были превосходны. В то время как другие латиноамериканские страны погружались в пучину долгов, Парагвай долгов не имел, обладая активным внешнеэкономическим балансом. Страна первой в Латинской Америке построила железную дорогу, первой спустила пароход с металлическим корпусом. Были созданы металлургический завод, арсенал, верфи.

Но одновременно росла и коррупция. Сам Франсис был человеком скромным. В отличие от бесчисленных латиноамериканских диктаторов, он не только не нажил себе состояния на государственной службе, но даже отказался от полагавшегося ему как главе государства жалования, а жил на свои собственные средства. Но теперь семейство Лопесов, их родственники и приближенные обогащались, жили в царской роскоши. Таким образом, в Парагвае эпоха коррупции наложилась на период подъема, а не совпала с периодом застоя.

К сожалению, мы не знаем, к чему привела бы естественная история развития парагвайского общества - ожидало бы страну лучшее будущее, вступила бы она в период застоя, произошло бы буржуазное перерождение или чтонибудь еще. Парагвай погиб в результате иностранной интервенции.

В 1864 г. Бразилия в очередной раз попыталась проглотить Уругвай, а тогда Лопес - уже не Карло, а его сын Франсиско, - выступил на его защиту. Позднейшее мнение английского историка Бокса, что останься он в стороне, и страна уцелела бы, вряд ли справедливо. А инетит приходит во время еды, и после Уругвая настала бы очередь Парагвая. Положение осложнялось тем, что Парагвай не имел общей границы с Уругваем, будучи отделен от него узкой полосой аргентинской провинции Коррьентес. Аргентина отказала в разрешении пропустить парагвайские войска через свою территорию, и тогда Лопес объявил войну Аргентине. Парагвайская армия заняла территорию Коррьентеса. Лопеса обвинили в намерении стать императором Ла-Платы (так тогда называлась Аргентина). Трудно сказать, насколько это справедливо, не является ли это обычной военной пропагандой, такой же, что война велась ради уничтожения диктатуры в Парагвае. Но тем временем в Уругвае произошел переворот, страна переметнулась на сторону своих недавних противников, и Парагвай оказался в состоянии войны против могущественной коалиции, в ко-

торуе входило три его соседа. Население стран коалиции в 10 раз превосходило население Парагвая (в Парагвае проживало 1,3 млн. человек в Бразилии - 10 млн., в Аргентине - 2 млн., в Уругвае - 300 тыс.). Но в силу своего более высокого экономического развития против 75 тысячной армии коалиции Парагвай выставил 100-тысячное войско.

На Паране произошло крупное речное сражение, в котором парагвайская флотилия нанесла поражение бразильской, но и сама понесла большие потери. Бразилия немедленно заказала в Англии 17 броненосцев, большинство которых еще до окончания войны вступило в строй. Сухопутная армия Парагвая, захватив инициативу, вступила на территорию противника, но вскоре стала терпеть неудачи. 12-тысячная парагвайская армия, наступавшая на Бразилию, была вскоре окружена и сложила оружие.* Одновременно провинция Корриентес была занята аргентинцами.

Неудачи парагвайской армии можно объяснить отсутствием боевого опыта. Ведь с достижения независимости Парагвай не участвовал ни в одной войне, в то время как его противники в ходе своих многочисленных военных столкновений и гражданских войн могли научиться военному искусству. Весной 1866 г. 40-тысячная аргентино-бразильская армия во главе с президентом Аргентины Митре вторглась в Парагвай. Все же Парагвай, наверное, мог отбиться, ибо коалиция раздиралась острыми противоречиями, и, возможно, скоро распалась. Но тут вмешались еще более могущественные силы. И Англия, и Франция были недовольны тем, что их капиталы не имеют доступа в Парагвай. Их влияние сцементировало коалицию, их деньги финансировали проведение военных опера-

* Из этих 12 тысяч оставалось 8 тысяч, когда они были окружены 35-тысячной бразильской армией. Около 5 тысяч было взято в плен.

ходство. Тем не менее война была длительной и кровопролитной.

Два года парагвайцы героически защищали крепость Умайту, расположенную вблизи впадения реки Парагвай в Парану. К концу 1867 г. аргентинцы потеряли 20, а бразильцы 40 тыс. человек убитыми. Аргентина фактически вышла из войны. Но бразильские плантаторы наращивали свои усилия, объявив даже свободу неграм-рабам, вступившим в ряды армии. Видя, что крепость не удержать, Лопес оставил в ней 3000 гарнизон, а сам отошел к столице Асунсьону. Там он беспощадно карал всех сторонников капитуляции, не остановившись даже перед расстрелом архиепископа Парагвайского и своего родного брата. Но и его, видимо, угнетала перспектива неизбежной катастрофы, он пел. В августе 1868 г. пала Умайта, в декабре на подступах к Асунсьону в семидневном сражении парагвайская армия была наголову разбита. В январе 1869 г. сдался Асунсьон. Из города, где победители устроили погром, бежала большая часть населения. Началась партизанская война. Сам Лопес с оставшимися у него 2,5 тысячами солдат укрылся в горах, где довел численность армии до 13 тысяч человек, забирая в войска даже 12-летних мальчишек. Но и из гор он был вытеснен численно превосходящим его неприятелем. 1 марта 1870 г., во время отступления, остатки армии были настигнуты бразильской конницей и окончательно разбиты. Сам Лопес не проявил во время войны ни полководческих дарований, ни личной храбрости, но сдаться в плен он отказался, и был застрелен.

В результате войны Парагвай потерял почти половину территории, был обложен огромной контрибуцией. Принадлежавшие государству земли и имущества были распроданы помещикам и спекулянтам. Но все это были пустяки в сравнении с людскими потерями. Победители истребили 80% парагвайского населения, и в 1870 г. в Парагвае осталось лишь

221 тыс. жителей - 106 тыс. женщин, 86 тыс. детей и только 28 тыс. мужчин^{*}; так что еще не один десяток лет Парагвай оставался "женским" государством.

Но не является ли чудовищный геноцид в Парагвае лучшим доказательством того, что в стране существовал новый прогрессивный социальный строй, вызвавший бешеную ненависть буржуазно-помещичьих слоев Европы и Америки, ненависть, которую они испытали и к возникшей несколько месяцев спустя Парижской Коммуне? (февраль-май 1871г.).

Можно добавить, что этот социальный строй не случайно возник именно в Парагвае. Дело в том, что в Парагвае, как и в России, существовала сильная традиция государственной собственности на средства производства. В России ее олицетворяли казенные заводы, основанные еще Петром I. В Парагвае она была связана с иезуитским государством, существовавшим в этой стране в XVII-XVIII вв, возглавленном орденом иезуитов. Они владели обширными поместьями, в которых эксплуатировались находившиеся на по ложении крепостных индейцы. В результате войны 1751-54гг. иезуитское государство бы ло разгромлено испанцами, несколько позже, когда в Мадриде стали проводить политику Просвещенного Абсолютизма, иезуиты бы ли изгнаны из испанских владений, а их поместья стали собственностью испанской короны. Таким образом, частновладельческий помещичий элемент в Парагвае был очень слаб, что тоже способствовало возникновению подобной социальной системы.

Как оценивается парагвайский режим в мировой историографии?

Буржуазные историки либерального направления представляют политику Франсия, методы расправы с помещиками и церковью, изоляцию страны следствиями свирепого характера диктатора. Такие мотивы

^{*} Общие потери коалиции в ходе войны превысили 190 тыс. убитыми.

хорошо знакомы нам по соответствующим оценкам опричьины Ивана Грозного и культа личности Сталина.

Парагвайский историк фашистского направления Б. Гонсалес вслед за англичанином Т. Кармейлем поднимает на щит Францию, изображая его творцом и выразителем парагвайского национального духа, диктатором, непосредственно выражавшим интересы парагвайского народа и добившимся ликвидации борьбы классов в Парагвае ради единства нации.

Теория о существовании государственного социализма в Парагвае уже в новейшее время развивается англичанином П. Боксом, американским историком Ф. Рейном и некоторыми др. западными историками.

В марксистской историографии царит полный разнобой: что политика Франции объективно способствовала капиталистическому развитию страны; что он отражал интересы имущих классов, хотя и заигрывал с "низами"; что в стране была установлена революционно-демократическая диктатура; и т.п. Надо все же заметить, что революционно-демократическая диктатура - это форма правления, а не социальный строй.

В вышедшей в конце XIX в. энциклопедии Брокгауза и Эфрона не содержится, конечно, глубокой теории, но отмечается своеобразный политический строй Парагвай, что Франция, лично ненавидевший иезуитов, фактически правил страной так же, как и она, и что при Лопесах Парагвай по существу был огромным поместьем этой семьи.

К сожалению, классики марксизма-ленинизма ни слова не написали про Парагвай. Ленин родился в год гибели Парагвая, так что для него все эти события были уже глубокой стариной. Маркс и Энгельс были современниками описанных событий, наверняка читали в газетах и о Парагвае, и уж во всяком случае, о Парагвайской войне. Но даже Энгельс, видный военный писатель, не уделил внимания этой войне. Ви-

димо, война на краю света между полуварварскими народами не представляла интереса с точки зрения военного искусства. Более существенная проблема заключена в том, что Маркс и Энгельс не увидели в Парагвае воплощение своего коммунистического идеала. Но они не могли его увидеть, ибо по их теории новое коммунистическое общество должно было возникнуть в наиболее развитых капиталистических государствах как продукт их естественного развития. В действительности, как все мы знаем, этого не произошло, и социализм возник в более отсталых, полуфеодальных (как Россия), или полуколониальных странах.

В XX веке многие фаро-азиатские государства, освободившись от колониальной зависимости, стали на путь социализма. Почему же в XIX веке на этот путь не могла ступить одна из латиноамериканских стран, освободившихся от испанского колониального господства?

К сожалению, советскому читателю недоступны иностранные работы по Парагваю. Из советской литературы можно порекомендовать книгу М.С. Альперовича "Революция и диктатура в Парагвае (1810-1840)", изданную в 1975 г., и статью о Парагвае в Советской исторической энциклопедии.

В заключение остается поставить следующие вопросы:

1. Существовал ли в Парагвае социализм?
2. Если нет, то какой-же строй был в Парагвае в XIX в. - буржуазный, феодальный? Рабовладельческий и первобытно-общинный, видимо, можно исключить из рассмотрения.

Если на эти вопросы и не будет найдено ответа, то все же нельзя отрицать, что Парагвай представлял ряд поразительных аналогий социалистическим государствам XX века, а это наводит на определенные размышления.